

Качалов

XVIII годовщины Октября народный артист республики Василий Иванович Качалов встречает как орденоседец Советского союза. На его груди горит орден Трудового красного знамени. Эта почетная награда знаменует две большие даты в судьбе замечательного артиста: шестьдесят лет жизни, срок лет творчества. Из этого последнего «сорокалетия» почти половина связана с работой на сцене нашей Советской страны. Встают образы этих лет: Вершинин в «Бронепоезде», Николай I в фрагментах о декабристах, чтец в «Воскресении», выступления в «Блокаде», «Горе от ума», «Талантах и поклонниках». Но ярче всех воспринимается образ фабриканта Захара Бардина, который Качалов создал только что в последней постановке Художественного театра — «Враги» Горького. Эта победа Качалова явилась в результате сочетания громадного виртуозного мастерства и тончайшего понимания социальной сущности изображаемого героя. Можно любить роль, но не любить само действующее лицо. Качалов как раз любит эту роль и презирает самый персонаж. Это отвечает одной из основных черт качаловского творчества — разоблачать ненавистных ему людей. Разоблачительная тенденция в качаловском творчестве проявлялась и раньше, но в годы революции она получила особое заострение. Под знаком разоблачительного начала стоит Николай I, с исключительной силой проявляется оно и в таком шедевре качаловского сценического слова, как комментарий чтеца в «Воскресении». В Захаре Бардине мы можем говорить о высокой реалистической сатире, нашедшей здесь не только свое принципиальное утверждение, но и всю полноту художественного воплощения.

Образ Захара Бардина перекликается в творчестве Качалова с его Гаевым из «Вишневого сада». Тут есть несомненная и внутренняя и внешняя связь; связь единого понимания основных зерен роли и примененных приемов и средств актерской выразительности. И там и тут дано типичное выражение либерального болтуна, за прекраснодушными высказываниями которого скрывается или полная безликость лишнего человека (Гаев) или испуганная гримаса классового врага. Надо отдать должное литературной тонкости Качалова: в обеих этих ролях Качалов связыва-

ет свою интерпретацию с превосходным чувством литературного стиля самих авторов. В пьесе Чехова Качалов остается на грани того лирического юмора, которым окружена жалкая фигура Гаева. В Захаре Бардине Качалов ведет свою игру по пути сатиры, ибо Горький ясно указывает на необходимость безжалостного отношения к этому мнимому «доброму».

Замечательно и то умение, с каким Качалов подчиняет свои превосходные сценические данные, до сих пор сохраняющие свою молодую свежесть «старческой непривлекательности» Захара Бардина. И в интонациях и в движениях Качалова появляются новые ноты. Вместо обычной сочной полновзвучности, Качалов дает какую-то сиюкающую говорливость. Вместо широкого романтического жеста — дробность мелких движений. Качалов изумительно передает растерянность и боязливость. Он передвигается по сценической площадке мелкими шажками, — улитка, боящаяся высунуться из своей скорлупы.

В Захаре Бардине Качалов вырастает до социальной биографии. Если бы можно живую актерскую игру ввести в хрестоматию, предназначенную для иллюстрации философских высказываний Ленина о сущности российского либерализма, то Качалов должен был бы «читаться и перечитываться» и молодыми и старшими поколениями.

Это выступление Василия Ивановича Качалова в новой для него роли в самый канун XVIII октябрьской годовщины — прекрасное свидетельство того высокого художественного уровня, какого достигло сценическое искусство в стране социализма. Это также и высокий урок того серьезного, вдумчивого отношения, какое прославленный мастер проявляет ко всякой новой работе. Качалов неустанно движется вперед, и портрет Захара Бардина лучше всего говорит о блеске и силе качаловской художественной кисти. Вот почему зритель так горячо аплодировал орденосному народному артисту, вот почему зритель так приветствовал выступления славного члена Московского совета на его художественной трибуне.

Н. ВОЛКОВ